

«ШКОЛА СМЫСЛОВ»

Интервью с Игорем Реморенко о том, что придет на смену «школе памяти»

**Игорь
РЕМОРЕНКО**

д. пед. н., доцент,
ректор Московского городского
педагогического университета
(129226, Москва, 2-й Сельскохозяй-
ственный проезд, 4, корп. 1).
E-mail: RemorenkoIM@mgpu.ru

Не оценивать дистант по пандемии

Игорь Михайлович, самая горячая тема для обсуждения в этом году — дистанционное обучение. Можно ли оценить его эффективность по тому, как работали школы и вузы в первую и вторую волну пандемии? Изменит ли пандемия привычную организацию школьных занятий, сам уклад современной российской школы?

Говоря о технологиях, которые используются для дистанционного обучения во время пандемии, важно понимать: изначально они разрабатывались для узкой группы высокомотивированных учеников. Речь идет о 5–10 % от общего числа обучающихся, которые по тем или иным причинам занимались дистанционно и были мотивированы именно на такой вариант обучения. Оценивать, подходят ли такие технологии для массового обучения, не вполне правильно.

Однако в сложившейся ситуации пришлось срочно трансформировать дистант под обучение больших масс школьников. Возможно ли это? Если да, то как его нужно трансформировать? Пока на этот сложный вопрос нет ответа. Есть только попытки выдвинуть гипотезы.

Мы полагаем, что есть такие элементы содержания образования, которые можно освоить путем доступа к открытым информационным источникам: знание дат, сюжетных линий,

фактология различного рода. Все, что можно наугадить. Ценность такого знания будет уменьшаться.

Но есть и другое содержание образования, которое невозможно освоить вне дискурса, вне обмена мнениями, вне со-

поставления различных точек зрения. Это знание будет цениться больше, и именно здесь нужно концентрироваться в современной дидактике, искать и исследовать. Там, где требуются определенные усилия в понимании, где необходимо интеллектуальное преодоление и важен консенсус как результат дискуссии — там есть смысл обсуждать, каким должно быть содержание образования. В мире это называется «большими вызовами», и мы активно работаем в этом направлении по ряду предметных областей.

Сейчас, в частности, мы плотно работаем над дидактикой школьного раздела по молекулярной биологии. Это очень догматичный раздел, требующий поиска методик организации дискуссионной работы и понимания учащихся. Напрямую это понимание из Интернета не возьмешь. А в ходе дискуссии рождается настоящее понимание, и именно оно становится ценным результатом образования. Именно в таком ключе имеет смысл обсуждать новое содержание образования — и только затем подбирать технологии и методики.

Два типа школы

Какие результаты должно давать школьное образование по итогам одиннадцати классов? Как можно описать тот «продукт», который создает школа?

Здесь есть несколько векторов для размышлений и исследований. С одной стороны, это определенный общественный консенсус, заданный Конституцией. Есть федеральные государственные образовательные стандарты. С другой стороны, у старшего поколения, которое передает знания молодому, должен быть консенсус, договоренность о необходимых итогах обучения — в буквальном смысле, «что именно нужно передавать». Для того, чтобы лучше это понимать, мы проводим социологические исследования, пытаемся выяснить, что лежит в сфере общественных интересов.

Второй вектор — это естественная инерция. Есть такие разделы школьной программы, к которым все привыкли. Зачем изучать доменную печь, когда использование в индустрии чугуна уже не столь значимо, как в шестидесятых, когда эта тема появилась в школьной программе? Но есть инерция — к этому привыкли. Каким образом можно сделать школьную программу более осознанной? Как переводить элементы содержания образования из догматического формата в осмысленный?

Что вы думаете о повсеместном внедрении проектно-исследовательского подхода в рамках классно-урочной системы? Есть ли будущее у такого подхода в российских школах, правильно ли учиться «через проект»?

В проектном подходе нет ничего особенно нового: он возник еще в 20-х годах XX века. Первые восемь экспериментальных школ Джона Дьюи создавались именно в России, опираясь на концепцию единой трудовой школы А. В. Луначарского. В наши дни проектный метод предполагает активное использование информационных технологий для реализации проектов. Это значит, что он нацелен на то, чтобы искать данные, строить интерпретации, сопоставлять тексты, проблематизировать, сравнивать аргументы

и контраргументы. Это очень хорошая история для того, чтобы обеспечить глубокое понимание предмета.

А если посмотреть на такой результат образования, как научная картина мира? Какой вообще должна быть картина мира у человека, который прошел 11 классов средней школы? Как этот результат измерить?

Важно говорить не об исключительно научной картине мира, а о взаимосвязи трех-четырёх составляющих. Первая — это концептуальное видение. Например, понятия числа, вещества, популяции, ряд закономерностей. Есть такие базовые концептуальные конструкции, понимание которых является проводником к другим, более периферийным элементам содержания образования.

Вторую составляющую мы называем инженерным приложением. Когда школьник понимает, каким образом на основе концептов рождаются те или иные феномены культуры.

Например, каким образом

различные системы счислений используются при создании компьютерной техники, то есть перенос из математики в компьютерную инженерию. Или каким образом модель генома с ее отличительными признаками может быть использована для геномного редактирования и для генетически модифицированных продуктов со всеми их плюсами и минусами.

Следующий важный элемент — вторая производная от инженерного приложения. Это бытовые ситуации. Например, финансовая или гигиеническая грамотность, способы поведения в обычной жизни. Все эти «грамотности» — приложение соответствующих концептов к daily routines, повседневным ситуациям.

И четвертый важный элемент — уже упомянутые «большие вызовы». Со школьниками нужно разговаривать не только о текущей повестке, но и о будущем. Стругацкие говорили: «Нация не имеет будущего, если у нее нет своей фантастики». Должно быть дискуссионное поле, которое про это будущее мыслит, пытается про него фантазировать. Все эти концепты, их приложение к обыденности, фантазии о будущем — все это также содержание образования.

ЦЕННОСТЬ ЗНАНИЙ, КОТОРЫЕ МОЖНО НАГУЛИТЬ, БУДЕТ УМЕНЬШАТЬСЯ

Как же все-таки измерить получившийся результат? Как проверить, «усваивается» ли это содержание?

Возьмем самый очевидный вариант — тот измерительный материал, который мы встречаем на ОГЭ и ЕГЭ. Усилиями экспертов там происходят определенные подвижки; так, постепенно из заданий уходит то, что требует простого запоминания: например, «рассставить регионы по количеству производимой сахарной свеклы». Эти задания требуют главным образом запоминания, здесь все можно сделать, используя обычные поисковые системы. Их ценность невелика.

Кроме ОГЭ и ЕГЭ, есть задачи PISA — глобальные измерения компетентностей. Это задачи мультидисциплинарного знания, требующие опоры на разные аспекты содержания образования из разных предметных областей. Такого рода измерителей становится все больше: например, появилось гигантское количество всевозможных олимпиад. Люди очень активно ищут адекватные измерители под новое содержание образования. Например, в рамках литературы как предмета недавно появилось «сочинение своими словами». Это сочинение, в котором поощряется не столько цитирование заученных фрагментов литературных произведений, сколько умение выразить собственную мысль своими же словами.

Многие решения находятся в области индивидуальных образовательных программ, когда нам удастся, с одной стороны, удержать общее содержание образования, а с другой — так его отформатировать, что человек сможет выстраивать внутри этого содержания свою индивидуальную траекторию.

Как вы считаете, что ждет институт школы в ближайшие годы и в среднесрочной перспективе?

Школа может оставаться на позициях цифровой аскезы: «Выключили телефоны, включили камеры в зуме и внимательно меня слушаем». Это тупиковый вариант, который будет вызывать все большее раздражение и негатив в отношении школы.

СО ШКОЛЬНИКАМИ НУЖНО РАЗГОВАРИВАТЬ НЕ ТОЛЬКО О ТЕКУЩЕЙ ПОВЕСТКЕ, НО И О БУДУЩЕМ

Другой вариант — школа сама поменяется и скажет, что не надо помнить 300 дат из истории с точным воспроизведением месяца, года и наименования события. Не нужно цитировать по памяти все сюжетные линии произведений классической литературы или знать все формулы упрощения тригонометрических выражений. Все это вторично, а смыслы — первичны. На мой взгляд, выбор выглядит именно так: либо школа памяти, либо школа смысла. Сейчас мы находимся в точке, где будет принято либо одно, либо другое решение. Одно решение предполагает цифровую аскезу и минимальное использование интернет-технологий, другое — наоборот, возможность активно ими пользоваться в обучении.

Педагоги и регионы

Немного про педагогов. В регионах преподавателей не хватает. Может ли московская система подготовки кадров как-то помочь?

На вебинарах, которые мы проводим по цифровому образованию и сопутствующим темам, зачастую большинство присутствующих — это как раз люди из регионов. То же самое можно сказать и про другие проекты. Например, совместная с Фондом «Вклад в будущее» лаборатория персонализированного образования, которая работает исключительно с регионами. Или Фонд инфраструктурных образовательных программ, где большинство учителей, которые вовлечены в проекты и воспроизводят различные методики естественно-научного образования, не из столицы.

У нас есть специальные проекты, которые направлены на консультирование и помощь учителям из регионов. Есть московская система повышения квалификации педагогов, где школы сами выбирают курсы, платят за них подрядчикам, самостоятельно выбирают политику в области повышения квалификации, гоняются за лучшими молодыми педагогами. Это действительно гигантская столичная система, созданная за последние 10 лет. Но для регионов нужны свои, особые проекты.

В доковидные времена мы каждый месяц проводили для них крупные семинары, к которым подключалось до полутора тысяч участников. Сейчас слушателей стало еще больше.

У нас в университете учатся студенты из регионов всей России. Они имеют право поступать на тех же основаниях, что и москвичи. Но нужно честно признать: многие так сильно влюбляются в столицу, что по окончании вуза хотят здесь остаться и работать. Поэтому массовое переселение столичных педагогов в регионы вряд ли возможно.

Раньше существовал стереотип о том, что в педвузы идут те, кто не поступил в другие учебные заведения. Есть ли такое явление сегодня?

Да, так было. Однако в последние годы мы вошли во второй десяток вузов с самыми высокими средними баллами ЕГЭ. В этом году заняли 18-е место, причем обогнали даже условную «нефть», специализированные вузы, которые занимаются подготовкой специалистов добывающих отраслей. Это, вне всяких сомнений, высокие показатели качества приема.

У нас есть традиция встречаться с победителями олимпиад, которые к нам поступили. Мы их спрашиваем: «Почему вы выбрали нас, если могли пойти в МГУ?» Ответы бывают самые разные. Например, один парень сказал, что хочет быть политиком. Он попробовал учиться на факультете политологии в МГУ и понял, что это не политика, а изучение политики. Он счел, что для политика важно уметь убеждать людей, и поэтому пошел к нам на педагогическое направление подготовки с профилем «история»: он считает, что мы научим его убеждать людей. Будет ли он работать учителем — неизвестно, но он искал и нашел у нас некую практико-ориентированную траекторию, которая ему интересна. При

этом, заметьте, стране нужны и талантливые учителя, и талантливые политики.

Что вам видится самым важным и сложным в части подготовки молодых учителей?

Самое сложное — выявить истинную мотивацию. Это касается не только педагогических вузов. Очень многие абитуриенты приходят в педагогические вузы, потому что им комфортно продолжить обучение там, где они примерно понимают, что именно делает выпускник. Ведь многие из них в своей жизни могли долго наблюдать только одного профессионала — учителя, и поступают в педагогический вуз по инерции. Конечно, со временем многие студенты понимают, что их интересует совсем не педагогика. И это абсолютно нормально. Мы даем много возможностей себя попробовать, заинтересоваться, и часть наших студентов не продолжает траекторию школьного учителя. Они, как правило, идут в те сферы, где предполагается работа с людьми, но не в образование: это может быть

торговля, финансовый сектор, социальная защита, кадровая работа, консалтинг и прочее. Фактически мы вынуждены первые два года работать на профессиональное самоопределение. И это правильно, потому что только так можно выйти на истин-

ную мотивацию и, в конечном итоге, вырастить увлеченных, компетентных учителей.

Беседу вела Мария КРАВЧЕНКО

THE “SCHOOL OF MEANING”
Interview with Igor Remorenko about what to replace the “School of memory”

Igor REMORENKO

Doctor of Education, Associate Professor, Rector of Moscow City University (4/1, 2nd Selskokhozyistvennyi proezd, 129226).
E-mail: RemorenkoIM@mgpu.ru

ОСТАВАТЬСЯ НА ПОЗИЦИЯХ ЦИФРОВОЙ АСКЕЗЫ — ТУПИКОВЫЙ ВАРИАНТ